

Юэ Чжоу до сих пор не могла смириться с тем, что Се Чунь, которую она знала уже более двух лет, эта избалованная и высокомерная барышня, оказалась хладнокровной убийцей, не моргнувшей глазом! То ли Се Чунь слишком хорошо скрывала свои истинные намерения, то ли человеческая натура действительно слишком трудна для понимания? Говоря о сложности человеческой природы, Юэ Чжоу невольно вспоминала своего учителя Сюй Гуанчуаня, которого она так уважала и которому так доверяла. Оказалось, что он был двуличным человеком, сговорившимся с Се Чунь... Юэ Чжоу чувствовала себя подавленно, но сейчас было не время для размышлений. Главное — проверить, как обстоят дела с раной Гу Лянвэй.

С трудом удерживая мощный фонарь во рту, Юэ Чжоу протерла руки и хирургические ножницы спиртовым тампоном, чтобы продезинфицировать их. Затем она аккуратно приподняла край одежды, прилипший к ране, и разрешила его ножницами, чтобы обнажить повреждённое место. Рана Гу Лянвэй сильно кровоточила, и ткань уже успела прилипнуть к крови. Любое движение одежды причиняло боль, и при малейшем прикосновении тело Гу Лянвэй слегка вздрагивало. Однако она терпела, не издавая ни звука. Чтобы уменьшить её страдания, нужно было действовать быстро и решительно. Поэтому Юэ Чжоу перестала обращать внимание на реакцию Гу Лянвэй и сосредоточилась на том, чтобы полностью обнажить рану. Когда рана наконец открылась, сердце Юэ Чжоу сжалось.

Пуля застряла неглубоко, вонзившись в мышцы спины возле лопатки, оставив небольшую входную рану. Однако сила выстрела была настолько велика, что вокруг раны образовались повреждения от ударной волны, что привело к сильному кровотечению. Неудивительно, что Гу Лянвэй была так слаба, её губы даже потеряли цвет!

Несмотря на такую боль, Гу Лянвэй продолжала терпеть, что заставляло Юэ Чжоу даже хотеть её поругать. Если бы она хотя бы застонала, Юэ Чжоу почувствовала бы себя спокойнее. Но чем больше Гу Лянвэй молчала, тем больше Юэ Чжоу волновалась, не зная, насколько серьёзно её состояние.

Юэ Чжоу боялась, что Гу Лянвэй, терпя боль, внезапно достигнет предела и потеряет сознание.

— Как дела? — с трудом сохраняя сознание, спросила Гу Лянвэй.

— Не очень, — с тяжестью на сердце ответила Юэ Чжоу, вынимая фонарь изо рта.

— Видишь пулю? — спросила Гу Лянвэй.

— Вижу, — Юэ Чжоу осветила рану фонарём. Пуля застряла в мышцах спины, и она могла увидеть её хвостовую часть.

Гу Лянвэй помолчала пару секунд, затем решительно сказала:

— Вытащи её.

Юэ Чжоу чуть не выронила фонарь от ужаса:

— Что? Это же безумие!

Гу Лянвэй спокойно ответила:

— Они всё ещё снаружи. Если я не умру, они снова попытаются меня убить. Пуля в моём теле мешает мне двигаться. Если ты её вытащишь, ты спасёшь мне жизнь. И тогда долг будет

считаться погашенным.

Юэ Чжоу не могла понять её логику. Кроме того, она никогда раньше не занималась таким делом! В панике она возразила:

— Но я же не специалист! Что, если...

— Никаких «если», — резко прервала её Гу Лянвэй.

Что ж, когда Гу Лянвэй начинала рассуждать, она всегда была права, и её аргументы было невозможно опровергнуть. В прошлый раз, когда она ночью отправилась проверить место, где пропала предыдущая археологическая группа, Юэ Чжоу хотела отговорить её, но в итоге сама согласилась пойти с ней. И сейчас Юэ Чжоу не могла ничего возразить, полностью подчиняясь воле Гу Лянвэй.

Юэ Чжоу обычно не боялась крови, но, глядя на окровавленную рану Гу Лянвэй, она почувствовала головокружение. Закрыв глаза, она глубоко дышала, пытаясь успокоиться. Внутренне она убеждала себя, что это не пулевое ранение, а просто очистка ценного артефакта. Ведь в обоих случаях нужно удалить инородное тело, и процесс очистки артефакта не менее сложен, чем операция. Часто на очистку небольшого объекта уходило два-три часа, не говоря уже о только что найденных артефактах, где использовалось множество инструментов и сложные процедуры. После такой работы человек чувствовал себя истощённым. Думая об этом, Юэ Чжоу сама себя убедила, что это похоже на операцию. Когда она открыла глаза, то уже была готова действовать. Она от природы обладала спокойным характером, и чем сложнее была ситуация, тем более собранной она становилась. Именно поэтому профессора археологического факультета ценили её, считая, что её характер идеально подходит для этой профессии, ведь археология требует терпения и спокойствия.

Юэ Чжоу рассматривала пулю в ране как инородное тело, которое нужно удалить. В аптечке было ограниченное количество инструментов, поэтому приходилось использовать то, что было под рукой. Сначала она ножницами удалила повреждённую ткань вокруг раны, чтобы лучше видеть её. Затем, протерев рану ватным тампоном, она аккуратно ввела маленький кровоостанавливающий зажим в отверстие от пули. Юэ Чжоу не была профессионалом и делала это впервые, полагаясь только на сцены из телесериалов и инстинкт. Она сосредоточилась, её руки были абсолютно устойчивы, а глаза внимательно следили за раной, игнорируя судорожные движения тела Гу Лянвэй. Она хотела как можно быстрее извлечь пулю, чтобы уменьшить страдания Гу Лянвэй.

Кровоостанавливающий зажим осторожно проник в рану, и вскоре Юэ Чжоу почувствовала сопротивление. Сжав зубы, она раздвинула зажим, захватила пулю с двух сторон и резко вытащила её! И для Гу Лянвэй, и для Юэ Чжоу это было крайне безрассудным поступком! Но времени на раздумья не было. К счастью, Гу Лянвэй была терпеливой. Когда зажим вытаскивал пулю, рана расширилась, и Гу Лянвэй, стиснув зубы, с трудом сдерживала крик боли. Её тело, лежащее на полу, оставалось неподвижным, но, как только пуля была извлечена, она сдавленно застонала, а её сжатый кулак с силой ударил по каменному полу несколько раз!

Извлечение пули истощило все силы Юэ Чжоу. Как только пуля была удалена, она почувствовала, как её тело обмякло, и она даже не смогла удержать зажим. Пуля со звоном упала на пол, и Юэ Чжоу осознала, что её спина промокла от пота. Услышав, как Гу Лянвэй бьёт кулаком по полу, она испугалась и с дрожью в голосе спросила:

— Как ты?

Её голос дрожал от слёз. Она боялась, что её руки дрогнут, и она совершит ошибку, которая навредит Гу Лянвэй. Теперь, когда пуля была извлечена, она всё ещё беспокоилась, не осталось ли каких-то последствий.

Гу Лянвэй ударила по полу несколько раз, расколов каменную плиту. Видно было, что она испытывала невероятную боль! Выплеснув свою боль, она полностью обессилела и упала на пол, тяжело дыша и не в силах говорить. Юэ Чжоу схватила её руку, чтобы она больше не причиняла себе вреда, и почувствовала, что ладонь Гу Лянвэй холодна, как у мертвеца. Это вызвало у неё слёзы. Гу Лянвэй, увидев, что она плачет, с трудом улыбнулась и сказала:

— Ты чего плачешь? Я же не плачу.

Лучше бы ты плакала! — подумала Юэ Чжоу, оправдывая себя:

— Я плачу за тебя!

— Хорошо, — тяжело дыша, Гу Лянвэй приняла это объяснение:

— Тогда поплачь ещё немного, пролей за меня побольше слёз.

— Нет уж, — Юэ Чжоу вытерла нос и с силой стёрла слёзы. Сейчас было не время для слёз. Извлечение пули не означало, что всё закончилось. Нужно было остановить кровь и перевязать рану. Промедление было опасно. Воздух в древней гробнице был затхлым на протяжении тысячелетий, и неизвестно, сколько бактерий он содержал. Если вовремя не продезинфицировать и не перевязать рану, могло начаться заражение. Юэ Чжоу понимала это, поэтому, стиснув зубы, она приступила к обработке раны Гу Лянвэй. Боясь, что та потеряет сознание, она решила отвлечь её, говоря:

— Я видела, кто в тебя стрелял. Это была Се Чунь.

Гу Лянвэй не удивилась:

— Я так и думала.

Стреляла либо Се Чунь, либо те двое наёмников, которые подчинялись ей. Даже если стреляли наёмники, это было сделано по её приказу, так что разницы не было.

<http://bllate.org/book/16246/1461366>